
А · Н · Д · Р · Е · Й

БИТОВ

**Пушкинский
ДОМ**

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б66

Дизайнер *Ольга Жукова*

*Изображение на обложке
сгенерировано нейросетью*

Битов, Андрей Георгиевич.

Б66 Пушкинский дом : роман / Андрей Битов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2025. — 572, [4] с. — (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-172871-7

Андрей Битов (1937–2018) — прозаик, поэт, сценарист и педагог, один из основоположников постмодернизма. Автор книг “Улетающий Монахов”, “Жизнь в ветреную погоду”, “Человек в пейзаже” и др.

“Пушкинский дом” Андрея Битова называли классикой постмодернизма, первым русским филологическим романом, романом-музеем, эпохальным произведением... Написанный в 1964 году как первый антиучебник по литературе, он долгое время “ходил в списках” и впервые был издан в США в 1978-м. Сразу стал культовой книгой поколения, переведен на многие языки мира.

Главный герой романа, Лев Одоевцев, потомственный филолог, наследник славной фамилии, мыслит себя и окружающих через призму русской классики. Но времена и нравы сильно переменились, и как жить в Петербурге середины XX века, Лeve никто не объяснил, а тем временем семья, друзья, женщины требуют от него действий и решений...

“И русская литература, и Петербург (Ленинград), и Россия — все это так или иначе ПУШКИНСКИЙ ДОМ без его курчавого постояльца” (Андрей Битов).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-172871-7

© Битов А.Г., наследники
© ООО “Издательство АСТ”

А вот то будет, что и нас не будет.

Пушкин, 1830

*(Проект эпитафии
к “Повестям Белкина”)*

Имя Пушкинского Дома

Академии наук!

Звук понятный и знакомый,

Не пустой для сердца звук!..

Блок, 1921

Что делать?

*Пролог, или Глава,
написанная позже остальных*

Поутру 11 июля 1856 года прислуга одной из больших петербургских гостиниц у станции Московской железной дороги была в недоумении, отчасти даже в тревоге.

*Н.Г. Чернышевский,
1863*

Где-то, ближе к концу романа, мы уже пытались описать то чистое окно, тот ледяной небесный взор, что смотрел в упор и не мигая седьмого ноября на вышедшие на улицы толпы... Уже тогда казалось, что эта ясность недаром, что она чуть ли не вынуждена специальными самолетами, и еще в том смысле недаром, что за нее вскоре придется поплатиться.

И действительно, утро восьмого ноября 196... года более чем подтверждало такие предчувствия. Оно размывалось над вымершим городом и аморфно оплывало тяжкими языками старых петербургских домов, словно дома эти были написаны разбавленными чернилами, бледнеющими по мере рассвета. И пока утро дописывало это письмо, адресованное когда-то Петром “назлю надменному соседу”, а теперь никому уже не адресованное и никого ни в чем не упрекающее, ничего не просящее, — на город упал ветер. Он упал так плоско и сверху, словно скатившись по некой плавной небесной кривизне, разогнавшись необык-

новенно и легко и пришедшись к земле в касание. Он упал, как тот самый самолет, налетавшись... Словно самолет тот разросся, разбух, вчера летая, пожрал всех птиц, впитал в себя все прочие эскадрильи и, ожирев металлом и цветом неба, рухнул на землю, еще пытаюсь спланировать и сесть, рухнул в касание. На город спланировал плоский ветер, цвета самолета. Детское слово “Гастелло” — имя ветра.

Он коснулся улиц города, как посадочной полосы, еще подпрыгнул при столкновении где-то на стрелке Васильевского острова и дальше понесся сильно и бесшумно меж отсыревших домов, ровно по маршруту вчерашней демонстрации. Проверив таким образом безлюдье и пустоту, он вкатился на парадную площадь, и, подхватив на лету мелкую и широкую лужу, с разбегу шлепнул ею в игрушечную стенку вчерашних трибун, и, довольный получившимся звуком, влетел в революционную подворотню, и, снова оторвавшись от земли, взмыл широко и круто вверх, вверх... И если бы это было кино, то по пустой площади, одной из крупнейших в Европе, еще догонял бы его вчерашний потерянный детский “раскидайчик” и рассыпался бы, окончательно просырев, лопнул бы, обнаружив как бы изнанку жизни: тайное и жалостное свое строение из опилок... А ветер расправился, взмывая и торжествуя, высоко над городом повернул назад и стремительно помчался по свободе, чтобы снова спланировать на город где-то на Стрелке, описав нечто, нестеровскую петлю...

Так он утюжил город, а следом за ним, по лужам, мчался тяжелый курьерский дождь — по столь известным проспектам набережным, по взбухшей студенистой Неве со встречными рябеющими пятнами противотечений и разрозненными мостами; потом мы имеем в виду, как он раскачивал у берегов мертвые

баржи и некий плот с копром... Плот терся о недобитые сваи, мочалая сырую древесину; напротив же стоял интересующий нас дом, небольшой дворец — ныне научное учреждение; в том доме на третьем этаже хлопало распахнутое и разбитое окно, и туда легко залетал и дождь, и ветер...

Он влетал в большую залу и гонял по полу рассыпанные повсюду рукописные и машинописные страницы — несколько страниц прилипло к луже под окном... Да и весь вид этого (судя по застекленным фотографиям и текстам, развешанным по стенам, и по застекленным же столам с развернутыми в них книгами) музейного, экспозиционного зала являл собою картину непонятного разгрома. Столы были сдвинуты со своих, геометрией подсказанных, правильных мест и стояли то там, то сям, вкривь и вкось, один был даже опрокинут ножками вверх, в россыпи битого стекла; ничком лежал шкаф, раскинув дверцы, а рядом с ним, на рассыпанных страницах, безжизненно подломив под себя руку, лежал человек. Тело.

На вид ему было лет тридцать, если только можно сказать “на вид”, потому что вид его был ужасен. Бледный, как существо из-под камня — белая трава... в спутанных серых волосах и на виске запеклась кровь, в углу рта заплесневело. В правой руке был зажат старинный пистолет, какой сейчас можно увидеть лишь в музее... другой пистолет, двуствольный, с одним спущенным и другим взведенным курком, валялся поодаль, метрах в двух, причем в ствол, из которого стреляли, был вставлен окурок папиросы “Север”.

Не могу сказать, почему эта смерть вызывает во мне смех... Что делать? Куда заявить?..

Новый порыв ветра захлопнул с силой окно, острый осколок стекла оторвался и воткнулся в подоконник, осыпавшись мелочью в подоконную лужу.

Сделав это, ветер умчался по набережной. Для него это не было ни серьезным, ни даже заметным поступком. Он мчался дальше трепать полотнища и флаги, раскачивать пристани речных трамваев, баржи, рестораны-поплавки и те суетливые буксирчики, которые в это измочаленное и мертвое утро одни суетились у легендарного крейсера, тихо вздыхавшего на своем приколе.

Мы много больше рассказали здесь о погоде, чем об интересном происшествии, ибо оно займет у нас достаточно страниц в дальнейшем; погода же нам особенно важна и сыграет еще свою роль в повествовании хотя бы потому, что действие происходит в Ленинграде...

...Ветер мчался дальше, как вор, и плащ его развевался.

(Курсив мой. — А. Б.)

Мы склонны в этой повести, под сводами Пушкинского дома, следовать освященным музейным традициям, не опасаясь переключек и повторений, — наоборот, всячески приветствуя их, как бы даже радуясь нашей внутренней несамостоятельности. Ибо и она, так сказать, “в ключе” и может быть истолкована в смысле тех явлений, что и послужили для нас здесь темой и материалом, — а именно: явлений, окончательно не существующих в реальности. Так что необходимость воспользоваться даже тарой, созданной до нас и не нами, тоже, как бы ужалив самое себя, служит нашей цели.

Итак, мы воссоздаем современное несуществование героя, этот неуловимый эфир, который почти соответствует ныне самой тайне материи, тайне, в которую уперлось современное естествознание: когда материя,

всео
 о советск
 елом, где от-
 вы посвящены
 ной литера-
 им литера-
 охи. Таким
 о о полку
 азь в тиг-
 уп разби-
 и /одной/
 ской Руси
 зии времен
 . Скворо-
 швили пред-
 читателями
 о восемна-
 . Так мыс-
 объедине-
 ем, так
 ескими
 крайн-
 грузин-
 а не пе-
 дает Пуп-
 шей Роди-
 го поэти-
 в поэзии
 благода-
 никает в
 ратуре ее
 говорить
 итературе
 о пушкин-
 без кото-
 ченков-
 ушкин-
 оз-

Пу-
 ской
 рить не
 гах Пушки
 ко, но о всех,
 взаимных расчет
 ских литератур воо
 какой литературе мы зад
 жали, какой и когда долг
 возвращен, какие долги
 лишь начинают возвращать-
 ся в виде переводов, или
 же как оригинальное твор-
 чество, вдохновенное ли-
 тературой другого народа,
 другого языка.

Вопрос здесь следует за вопросом.

Как появляется в Каракалпаки сонет и какие особые национальные признаки каракалпацкого сонета?

Почему наш хорей легче других силлабо-тонических размеров осваивается языками, знающими лишь иные системы стихосложения?

Как благодаря переводу на аварский язык "Медного всадника" рождается великолепный реализм новейшей поэзии аварцев?

Из всех этих вопросов и ответов составилась бы большая и полезная книга.

дробясь, членясь и сводясь ко все более элементарным частицам, вдруг и вовсе перестает существовать от попытки разделить ее дальше: частица, волна, квант — и то, и другое, и третье, и ничто из них, и не все три вместе... и выплывает бабушкино милое слово “эфир”, чуть ли не напоминая нам о том, что и до нас такая тайна была известна, с той лишь разницей, что никто в нее не упирался с тупым удивлением тех, кто считает мир постижимым, а — просто знали, что тут тайна, и полагали ее таковой.

И мы разливаем этот несуществующий эфир в несохранившиеся бабушкины склянки, удивляясь, что тогда каждому уксусу соответствовала своя neprazдная форма; мы с удовольствием отмываем слово “флакон” в тепловатой воде, любуясь идеей грани, пока из нее не сверкнет, мыльно и хрустально, луч детства и не осветит радужно желтоватую скатерку, вязанную в чьем-то далеком и немыслимом рукодельном детстве, анисовые капли и градусник со старинным цветом ртути, не изменившимся до сих пор лишь в силу преданности таблице элементов и химической верности... И этот радужный луч осветит чью-то тонкую замотанную шею, мамин поцелуй в темя и великий роман “Три мушкетера”.

И как удивляемся мы внезапной, такой непривычной неспешности и любовности собственных движений, подсказанной лишь формой и гранью этих склянок, таинственно прорывающей и останавливающей нашу суету...

Роман-музей...

И в то же время попытаемся писать так, чтобы и клочок газеты, раз уж не пошел по назначению, мог быть вставлен в любую точку романа, послужив естественным продолжением и никак не нарушив повествование.

Чтобы можно было, отложив роман, читать свежую и несвежую газету наоборот, отложив газету, полагать, что и не прерывались читать, а еще раз перечитали “Пролог”, чтобы уяснить себе некоторые частные мелочи из намерений автора.

Уповая на такой эффект, рассчитывая на неизбежное сотрудничество и соавторство времени и среды, мы многое, по-видимому, не станем выписывать в деталях и подробностях, считая, что все это вещи взаимоизвестные из опыта автора и читателя.

Р А З Д Е Л П Е Р В Ы Й

ОТЦЫ И ДЕТИ

Ленинградский
роман